Дата поступления рукописи в редакцию: 07.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-3-114-121

МАГОМЕДОВА Аминат Мустафаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института
государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ХИРАСУЛЛАЕВА Рабиат Абдулгасановна,
магистрант по направлению подготовки «Юриспруденция»
Юридического института Дагестанского
государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы правоприменительной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, обусловленные оценочным характером ключевых категорий, закрепленных в ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются сложности в толковании таких понятий, как «утрата общественной опасности», «исправление осужденного», «возмещение вреда» в контексте их неоднозначного понимания судами. На основе изучения судебной практики кассационных судов общей юрисдикции, статистических данных и доктринальных источников выявляются основные противоречия в подходах к оценке поведения осужденных, учета дисциплинарных взысканий и определения объективности причин частичного возмещения вреда. Авторами обосновывается необходимость формализации критериев оценки исправления осужденного, внесения изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ, а также предлагаются конкретные законодательные новеллы, направленные на обеспечение единообразия судебной практики и реализацию принципа правовой определенности. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия института условно-досрочного освобождения с системой пробации и учета интересов потерпевших.*

Ключевые слова: *условно-досрочное освобождение, оценочные категории, исправление осужденного, возмещение вреда, судейское усмотрение, судебная практика, пробация, принцип правовой определенности, ресоциализация, дисциплинарные взыскания.*

MAGOMEDOVA Aminat Mustafayevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Criminal
Law and Criminology Law Institute,
Dagestan State University

KHIRASULLAEVA Rabiat Abdulgasanovna,
Master's Student in Jurisprudence,
Law Institute, Dagestan State University

PROBLEMS OF ASSESSMENT CATEGORIES IN THE APPLICATION OF PAROLATE RELEASE

Annotation. *This article examines current issues in the application of parole, stemming from the evaluative nature of the key categories enshrined in Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation. It analyzes the complexities of interpreting concepts such as "loss of public dan-*

ger," "rehabilitation of the convicted person," and "compensation for harm" in the context of their ambiguous interpretation by the courts. Based on a study of the case law of general jurisdiction cassation courts, statistical data, and doctrinal sources, the authors identify key contradictions in approaches to assessing the behavior of convicted persons, taking disciplinary sanctions into account, and determining the objectivity of reasons for partial compensation for damages. The authors substantiate the need to formalize the criteria for assessing a convicted person's rehabilitation, amend the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and propose specific legislative amendments aimed at ensuring the uniformity of judicial practice and implementing the principle of legal certainty. Particular attention is paid to the interaction between the institution of parole, the probation system, and the consideration of victims' interests.

Key words: *parole, assessment categories, rehabilitation of a convicted person, compensation for damages, judicial discretion, judicial practice, probation, principle of legal certainty, resocialization, disciplinary sanctions.*

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (далее — УДО) занимает особое место в системе мер уголовно-правового воздействия, выступая важнейшим стимулом правопослушного поведения осужденных и инструментом их ресоциализации. Как справедливо отмечается в юридической литературе, УДО представляет собой «поощрительный» механизм, соединяющий цели наказания с индивидуально-превентивным эффектом и задачами социальной адаптации лиц, отбывших установленную законом часть срока наказания [2, с. 321]. Право каждого осужденного просить о смягчении наказания, закрепленное в ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации, является непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости и законности [1].

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, статистические данные свидетельствуют о неуклонном снижении количества удовлетворяемых судами ходатайств об УДО: если в 2024 году доля удовлетворенных ходатайств составляла 63,6%, то в первом полугодии 2017 года — уже 48,1% [1], а по данным последних лет эта тенденция сохраняется [2, с. 322]. Во-вторых, законодательная конструкция ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) содержит значительное число оценочных категорий, таких как «исправление осужденного», «утрата общественной опасности», «возмещение вреда в размере, определенном судом», что порождает неединообразие судебной практики и ставит решение вопроса об освобождении в чрезмерную зависимость от внутреннего убеждения конкретного судьи. В-третьих, активное обновление законодательства — принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» [6], внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 года № 8 (в редакции от 25 июня 2024 года) [3], новые разъяснения Конституционного Суда РФ — требует осмысления их влияния на практику применения УДО.

Оценочные категории в праве представляют собой понятия, содержание которых раскрывается не в законодательстве или ином нормативном акте, а определяется правоприменителем самостоятельно с учетом конкретных обстоятельств дела. В контексте ст. 79 УК РФ ключевыми оценочными категориями выступают: «утрата общественной опасности», «исправление осужденного», «возмещение вреда (полностью или частично)», «иное заглаживание вреда», «целесообразность условно-досрочного освобождения» (в заключении администрации исправительного учреждения).

Как обоснованно отмечает М.А. Юндина, «в связи с отсутствием хотя бы примерного перечня таких объективных причин в законодательстве и разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации нет единообразного подхода к данному вопросу в судебной практике. Тем самым нарушается принцип правовой определенности, вследствие чего интересы осужденного и потерпевшего находятся в чрезмерной зависимости от внутреннего убеждения судьи» [7, с. 294].

Законодательная конструкция ч. 1 ст. 79 УК РФ предусматривает, что лицо подлежит условно-досрочному освобождению, «если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично) в размере, определенном решением суда». При этом понятие «исправление» в уголовном законе не раскрывается. В соответствии с ч. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) под исправлением осужденных понимается формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Однако данное определение носит педагогический, а не юридический характер и не содержит формализованных критериев, пригодных для судебной оценки.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (в действующей редакции) [3] ориентирует суды на необходимость учета совокупности данных об исправлении: поведение за весь период отбывания наказания, отношение к труду и обучению, динамика поощрений и взысканий, участие в программах коррекции, взаимодействие с потерпевшим и реальные усилия по возмещению вреда. Вместе с тем, как справедливо указывается в литературе, «требование к мотивировке решений подчеркнуто: общие ссылки на «недостижение целей наказания» без конкретных фактов — признак незаконного отказа» [2, с. 321].

Анализ судебной практики кассационных судов общей юрисдикции за 2020-2024 годы свидетельствует о сохраняющихся существенных различиях в подходах судов к оценке одних и тех же обстоятельств при решении вопроса об УДО. Наиболее показательными являются следующие категории дел.

Во-первых, проблема учета дисциплинарных взысканий. В ряде случаев суды отказывают в удовлетворении ходатайств об УДО при наличии у осужденного одного взыскания, даже если оно снято или погашено. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 13 июня 2024 года № 77-2118/2024 отметил: «Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд принял во внимание одно дисциплинарное взыскание, наложенное на осужденного, и пришел к выводу, что оно не позволяет сделать вывод о безупречности поведения осужденного за весь период отбывания наказания. Между тем, как следует из истребованного материала, взыскание на осужденного наложено и было снято досрочно» [4]. Аналогичную позицию занял и Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 19 августа 2021 года № 77-3061/2021, указав: «Наличие у осужденного взыскания, погашенного в установленном порядке, само по себе не может свидетельствовать о том, что он нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания» [4].

Однако встречаются и противоположные решения. Пятый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 21 октября 2025 года № 77-1616/2025 рассмотрел дело осужденного, который характеризовался положительно, имел 18 поощрений, не имел взысканий, работал, принимал активное участие в воспитательных мероприятиях. Суд первой инстанции отказал в УДО, указав, что «совокупность данных, однозначно свидетельствующих о том, что осужденный может окончательно исправиться при отбывании более мягкого наказания, судом не установлена». Кассационный суд отменил решение, подчеркнув, что такой подход не соответствует требованиям закона, поскольку «каких-либо конкретных данных, подтверждающих, что осужденный не встал на путь исправления и нуждается в дальнейшем отбывании наказания, судом в постановлении не приведено» [4].

Особого внимания заслуживает дело, рассмотренное Первым кассационным судом общей юрисдикции (определение от 15 июня 2025 года № 77-1981/2025), где суд указал: «Само по себе наличие одного взыскания, без оценки характера нарушения и тяжести наложенного взыскания, при наличии 32 поощрений и других положительных данных о личности осужденного не свидетельствует о его небезупречном поведении, послужившем основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении» [4].

Во-вторых, проблема использования оснований, не предусмотренных законом. Распространены случаи, когда суды отказывают в УДО по мотивам, прямо не указанным в ст. 79 УК РФ. Так, Пятый кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 15 мая 2025 года № 77-337/2025 подчеркнул: «Указание в апелляционном постановлении на то, что УДО является особой мерой поощрения осужденного и правом суда, применение которого не связано с одним лишь наличием правовых и фактических оснований для этого, не основано на законе, согласно которому суды не вправе отказать в УДО по основаниям, не указанным в законе» [4].

Второй кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 1 июня 2025 года № 77-836/2025отменил решение об отказе в УДО, где суд сослался на то, что осужденная «ранее неоднократно судима, освобождалась от наказания условно-досрочно, однако вновь совершила преступление». Кассационная инстанция указала, что данные обстоятельства не предусмотрены законом в качестве оснований для отказа в УДО [4].

Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 16 июня 2025 года № 77-2036/2025 обратил внимание на недопустимость отказа в УДО по причине наличия задолженности по исполнительным производствам, не связанным с уголовным делом, отметив, что «ст. 79 УК РФ такого основания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, как выплата процессуальных издержек либо отсутствие задолженности по исполнительным производствам, не связанным с уголовным делом, не содержит» [4].

В-третьих, проблема формального подхода к оценке исправления. Пятый кассационный суд

общей юрисдикции в кассационном определении от 13 сентября 2021 года № 77-1406/2021 отменил решение суда, который отказал в УДО, указав, что осужденный «за период отбывания наказания с положительной стороны себя не проявил, не доказал своего исправления, у него не сформировалось уважительного отношения к нормам и правилам человеческого общежития». Кассационный суд подчеркнул: «Такой подход не соответствует требованиям закона, поскольку каких-либо конкретных данных, подтверждающих, что осужденный не встал на путь исправления и нуждается в дальнейшем отбывании наказания, судом в постановлении не приведено» [4].

Приведенные примеры наглядно демонстрируют отсутствие единообразных стандартов оценки поведения осужденных и, как следствие, зависимость решения судьбы человека от субъективного усмотрения конкретного судьи. Как справедливо отмечается в литературе, «принимая решение об отказе в удовлетворении ходатайства осужденного, суд в его обоснование сослался лишь на факт привлечения к дисциплинарной ответственности в виде устного выговора за нарушение осужденным установленного порядка отбывания наказания. Между тем тяжесть и характер допущенного осужденным нарушения судами не проанализированы, данные о снятии или погашении взыскания, а также время, прошедшее с момента взыскания, последующее поведение осужденного и другие характеризующие его сведения не учтены» [4].

Особую сложность в судебной практике представляет оценка выполнения осужденным условия о возмещении вреда, причиненного преступлением. В соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ обязательным условием УДО является возмещение вреда (полностью или частично) в размере, определенном решением суда. Как обоснованно отмечает М.А. Юндина, «условие о возмещении вреда, причиненного преступлением, при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания затрагивает права и интересы одновременно осужденных и потерпевших, вследствие чего данному условию в судебной практике уделяется повышенное внимание. При этом в большинстве случаев при подаче ходатайства об условно-досрочном освобождении вред, причиненный преступлением, возмещен лишь частично» [7, с. 293].

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько подходов к оценке частичного возмещения вреда.

Первый подход (формальный) заключается в том, что суды отказывают в УДО при наличии любого не возмещенного в полном объеме ущерба, не исследуя причины такого положения. Такой подход, хотя и соответствует буквальному толкованию закона, противоречит его смыслу, поскольку не учитывает объективные возможности осужденного по возмещению вреда в условиях изоляции от общества.

Второй подход (дифференцированный) предполагает исследование объективных причин частичного возмещения вреда. Второй кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 13 ноября 2020 года № 77-1981/2020 указал на необходимость учета таких обстоятельств, как отсутствие в исправительном учреждении исполнительных листов, признание осужденного банкротом, отсутствие умысла на уклонение от возмещения вреда. Суд отметил: «Судами не дано надлежащей оценки доводам осужденного о том, что в исправительном учреждении отсутствуют исполнительные листы, при этом имеется решение Арбитражного суда г. Москвы от 18 марта 2019 г., которым осужденный признан несостоятельным (банкротом) с введением в отношении него процедуры реализации имущества. Обстоятельств, свидетельствующих об уклонении осужденного от работы по месту отбывания им наказания с целью невозмещения иска, материалы дела не содержат и судами не установлено» [4].

В научной литературе предлагаются различные критерии оценки объективности причин частичного возмещения вреда. М.А. Юндина выделяет следующие обстоятельства, подлежащие учету: «трудоспособность осужденного, соотношение размера возмещенного вреда и размера дохода осужденного, наличие рабочих мест в исправительных колониях, отсутствие у осужденного реквизитов потерпевшего, возможность распоряжаться заработком» [7, с. 300-301]. Представляется, что данная позиция заслуживает поддержки и нуждается в нормативном закреплении.

Важно также учитывать позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в определении № 225-О/2025, где подчеркивается самостоятельность решения суда по вопросу освобождения от дополнительного наказания при применении УДО к основному наказанию. Суд указал, что полное «автоматическое» освобождение не вытекает из факта УДО, возможно дифференцированное решение с учетом целей и степени исполнения дополнительного наказания [2, с. 322]. Эта позиция исключает механистический подход и укрепляет баланс публичных и частных интересов.

В последние годы наблюдается усиление роли потерпевшего в механизме УДО. Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ в ст. 79 УК РФ были внесены изменения, обязывающие суд учитывать мнение потерпевшего при решении вопроса об УДО. Вместе с тем, как разъ-

яснил Пленум Верховного Суда РФ, мнение потерпевшего подлежит учету, но не имеет для суда определяющего значения.

Пятый кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 15 мая 2025 года № 77-337/2025 подчеркнул: «По смыслу закона, отношение осужденного к процессу отбывания наказания является показателем его стремления встать на путь исправления. При этом мнение потерпевшего подлежит учету, но не имеет для суда определяющего значения» [4].

Вместе с тем, в судебной практике встречаются случаи, когда суды придают мнению потерпевшего решающее значение, что не соответствует закону. Так, были отменены решения судов, отказывавших в УДО исключительно на том основании, что потерпевший возражает против освобождения, без анализа иных данных о личности и поведении осужденного.

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2025 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [6] создало принципиально новую правовую основу для постпенитенциарного сопровождения лиц, освобожденных из мест лишения свободы, включая условно-досрочно освобожденных. Закон институционализировал три вида пробации — пенитенциарную, исполнительную и постпенитенциарную, зафиксировал цели ресоциализации и социального сопровождения, определил субъектов и механизмы межведомственного взаимодействия.

Как справедливо отмечается в литературе, «это создает правовую основу для «мостика» между моментом освобождения и устойчивым встраиванием в правопослушную жизнь (жилье, занятость, медицинская и психологическая помощь, социальные услуги), что непосредственно связано с качеством применения УДО» [2, с. 323].

Особое значение институт пробации приобретает в контексте проблемы рецидивной преступности среди условно-досрочно освобожденных. Статистика свидетельствует, что значительная часть повторных преступлений совершается именно в первые месяцы после освобождения, когда человек сталкивается с трудностями социальной адаптации. Наличие системы пробации позволяет минимизировать эти риски путем оказания адресной помощи и осуществления контроля.

Вместе с тем, практика применения Закона о пробации выявляет ряд проблем: неравномерность развития инфраструктуры пробации в субъектах РФ, дефицит ресурсов на первых этапах постпенитенциарного сопровождения, недостаточная координация между уголовно-исполнительными инспекциями и органами социальной защиты. Решение этих проблем требует дальнейшего совершенствования законодательства и подзаконных актов.

Обращение к зарубежному опыту правового регулирования УДО представляет значительный интерес для совершенствования российского законодательства. Как показывают исследования С.Л. Бабаяна, К.К. Гарибяна и А.С. Айрапетяна, «в странах Содружества Независимых Государств, а также в Англии, ФРГ, США, Испании, Швейцарии и др. сложились различные модели УДО, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки» [10].

Особого внимания заслуживает опыт Германии, где УДО рассматривается не как исключительная мера поощрения, а как закономерный этап исполнения наказания при выполнении определенных условий. Германское законодательство устанавливает более формализованные критерии оценки исправления осужденного, что снижает риск судейского субъективизма.

В Англии функционирует развитая система службы пробации, которая не только осуществляет контроль за условно-досрочно освобожденными, но и оказывает им всестороннюю помощь в социальной адаптации. Как отмечает В.Л. Гэу, «об особенностях деятельности службы пробации в Великобритании свидетельствует широкий спектр полномочий сотрудников пробации, включая не только надзорные функции, но и полномочия по оказанию психологической помощи, содействию в трудоустройстве и решении бытовых проблем» [10].

Представляет интерес и опыт Швейцарии, где УДО возможно после отбытия определенной части срока наказания, при этом решение принимается не судом, а специальным административным органом — комиссией по УДО, что позволяет обеспечить более специализированный и профессиональный подход [10].

В контексте проблемы УДО лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, заслуживает внимания предложение С.Л. Бабаяна и соавторов: «предусмотреть возможность перевода положительно характеризующихся осужденных после отбытия не менее 15 лет срока наказания из исправительной колонии особого режима в колонию строгого режима, а также сократить обязательный срок отбытия наказания для наступления УДО в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы с 25 до 20 лет» [10, с. 247]. Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование института УДО.

Представляется целесообразным дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 года № 8 разъяснениями, устанавливающими примерный перечень обстоятельств, подлежащих учету при оценке исправле-

ния осужденного. В частности, необходимо указать, что:

– единичное взыскание, особенно снятое или погашенное в установленном порядке, при наличии множества поощрений не может служить основанием для отказа в УДО;
– отказ в УДО должен быть мотивирован конкретными фактами, свидетельствующими о том, что осужденный не встал на путь исправления;
– суд не вправе отказывать в УДО по основаниям, не предусмотренным ст. 79 УК РФ;
– мнение потерпевшего учитывается, но не является определяющим.

Необходимо законодательное закрепление критериев оценки объективных причин частичного возмещения вреда. В ч. 1 ст. 79 УК РФ следует внести изменение, указав, что при решении вопроса о наличии условия о возмещении вреда суд учитывает трудоспособность осужденного, размер его дохода, наличие рабочих мест в исправительном учреждении, наличие либо отсутствие у осужденного реквизитов для перечисления средств потерпевшему, принятие осужденным мер к возмещению вреда, а также иные объективные обстоятельства, препятствующие полному возмещению вреда. Частичное возмещение вреда по уважительным причинам не может служить основанием для отказа в УДО.

Целесообразно расширение сферы применения УДО за счет распространения его на осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Как отмечают исследователи, «в целях уменьшения рецидивной преступности среди условно-досрочно освобожденных и сокращения числа осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, представляется целесообразным на основе опыта некоторых стран СНГ предусмотреть возможность УДО и в отношении осужденных к наказаниям в виде исправительных работ и ограничения свободы» [10, с. 248].

Требует совершенствования механизм контроля за условно-досрочно освобожденными. В связи с принятием Закона о пробации необходимо разработать подзаконные акты, регламентирующие порядок взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости, социальной защиты, здравоохранения по вопросам оказания помощи условно-досрочно освобожденным. Следует также рассмотреть вопрос о создании специализированных центров пробации, осуществляющих комплексное сопровождение лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что оценочный характер категорий, используемых в ст. 79 УК РФ, порождает серьезные проблемы в правоприменительной практике, выражающиеся в отсутствии единообразных подходов к оценке поведения осужденных, учета дисциплинарных взысканий и определения объективности причин частичного возмещения вреда. Анализ судебной практики кассационных судов общей юрисдикции свидетельствует о многочисленных случаях отмены решений судов нижестоящих инстанций, основанных на формальном подходе либо на использовании оснований, не предусмотренных законом.

Решение выявленных проблем видится в комплексе мер законодательного и интерпретационного характера. На уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ требуется конкретизация критериев оценки исправления осужденного с четким указанием на недопустимость формального подхода и использования не предусмотренных законом оснований для отказа в УДО. На законодательном уровне необходимо закрепление критериев оценки объективных причин частичного возмещения вреда, что обеспечит баланс интересов осужденного и потерпевшего и реализацию принципа правовой определенности.

Важным направлением совершенствования института УДО является его интеграция с системой пробации, создающей условия для успешной социальной адаптации освобожденных лиц и снижения риска рецидивной преступности. Зарубежный опыт свидетельствует о необходимости развития специализированных служб, осуществляющих комплексное сопровождение условно-досрочно освобожденных, включая оказание психологической помощи, содействие в трудоустройстве и решении бытовых проблем.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности института условно-досрочного освобождения, укреплению принципов справедливости, гуманизма и правовой определенности в уголовном судопроизводстве, а также снижению уровня рецидивной преступности за счет успешной социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Список литературы:

[1] Справка по результатам анализа судебной практики условно-досрочного освобождения от наказания (ст. 79 УК РФ), а также освобождения от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ) // ГАРАНТ. — URL: https://base.garant.ru/45120346/ (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Колупаев Е.С. Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2026. — № 5 (608). — С. 320-323.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от

отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (в ред. от 25 июня 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 6.

[4] Арутюнян О. Условно-досрочное освобождение и замена наказания: обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции // Федеральная палата адвокатов РФ. — 22 октября 2024 г. — URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/uslovno-dosrochnoe-osvobozhdenie-i-zamena-nakazaniya/ (дата обращения: 01.03.2026).

[5] Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 6. — Ст. 918.

[6] Юндина М.А. Установление объективных причин частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, при решении вопроса об условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих лишение свободы // Пенитенциарная наука. — 2025. — Т. 19, № 3 (71). — С. 293–301.

[7] Морозова Ю.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: учебное пособие. — СПб., 2022. — 67 с.

[8] Долгополов Д.В. Практика применения судами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Уголовное право. — 2010. — № 4. — С. 20–23.

[9] Абдулаев К.М., Буграева А.Р. Проблемы законодательства и правоприменительной практики в вопросах предоставления условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2022. — № 2. — С. 4–9.

[10] Бабаян С.Л., Гарибян К.К., Айрапетян А.С. Сравнительно-правовой анализ института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2022. — Т. 13. — № 2. — С. 238–255.

[11] Уткин В.А. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях // Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): в 2 т. / под ред. В.И. Селиверстова. — М., 2025. — Т. 1. — С. 263–326.

[12] Карабанова Е.Н., Парфенова М.В. Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2014. — № 2 (40). — С. 87–92.

[13] Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2024 г. № 225-О «По жалобе гражданина С. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2024. — № 4.

[14] Грушин Ф.В., Маликова Н.Б. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях особого режима // Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): в 2 т. / под ред. В.И. Селиверстова. — М., 2025. — Т. 1. — С. 577–654.

[15] Селиверстов В.И., Зубкова В.И. Прогрессивная система отбывания лишения свободы в свете результатов девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей (декабрь 2022 г.) // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2024. — № 54. — С. 195–203.

References:

[1] Certificate based on the results of the analysis of judicial practice of parole from punishment (Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as exemption from punishment due to illness (Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation)//GARANT. - URL: https://base.garant.ru/45120346/ (access date: 01.03.2026).

[2] E.S. Kolupaev Institute of Parole: Theory and Practice of Implementation in the Russian Federation//Young Scientist. — 2026. — № 5 (608). - S. 320-323.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 21, 2009 No. 8 “On the judicial practice of parole from serving a sentence, replacing the unserved part of the sentence with a milder type of punishment” (as amended on June 25, 2024)//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2009. — № 6.

[4] Harutyunyan O. Parole and commutation of punishment: review of judicial practice of cassation courts of general jurisdiction//Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. — 22 октября 2024 г. — URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/uslovno-dosrochnoe-osvobozhdenie-i-zamena-nakazaniya/ (дата обращения: 01.03.2026).

[5] Federal Law of February 6, 2023 No. 10-FZ “On Probation in the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2023. — № 6. - Art. 918.

[6] Yundina M.A. Establishing objective reasons for partial compensation for harm caused by a crime when deciding on the parole of persons serving imprisonment//Penitentiary science. — 2025. - T. 19, NO. 3 (71). - S. 293-301.

[7] Morozova Yu.V. Parole from serving a sentence: a textbook. - St. Petersburg, 2022. - 67 s.

[8] Dolgopolov D.V. The practice of the courts of parole from serving a sentence//Criminal law. — 2010. — № 4. - S. 20-23.

[9] Abdulaev K.M., Bugraeva A.R. Problems of legislation and law enforcement practice in matters of granting parole from serving a sentence// Vedomosti of the penal system. — 2022. — № 2. - S. 4-9.

[10] Babayan S.L., Garibyan K.K., Hayrapetyan A.S. Comparative legal analysis of the institution of parole from serving a sentence in the criminal legislation of Russia and foreign countries//Bulletin of St. Petersburg University. Right. — 2022. - T. 13. — № 2. - S. 238-255.

[11] Utkin V.A. Characteristics of convicts serving imprisonment in colonies-settlements//Convicts and detainees in Russia (based on materials from a special census of convicts and detainees, December 2022): in 2 volumes/ed. V.I. Seliverstova. - M., 2025. - VOL. 1. - S. 263-326.

[12] Karabanova E.N., Parfenova M.V. The right of the victim to compensation for harm caused by a crime//Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. — 2014. — № 2 (40). - S. 87-92.

[13] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 26, 2024 No. 225-O "On the complaint of citizen S. on violation of his constitutional rights by part one of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation "//Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. — 2024. — № 4.

[14] Grushin F.V., Malikova N.B. Characteristics of convicts serving imprisonment in special regime correctional colonies//Convicts and detainees in Russia (based on materials from a special census of convicts and detainees, December 2022): in 2 volumes/ed. V.I. Seliverstova. - M., 2025. - VOL. 1. - S. 577-654.

[15] Seliverstov V.I., Zubkova V.I. Progressive system of serving imprisonment in the light of the results of the ninth special census of convicts and detainees (December 2022)//Bulletin of Tomsk State University. Right. — 2024. — № 54. - S. 195-203.

